

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 4 (1785)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья В. Бушина «Отлитый в граните», опубликованная в газете «Завтра», № 51, декабрь 2019 года.

Вологда
январь 2020

Отлитый в граните

Черты к монументу Гранина

*За все девяносто с лишним лет он
высказывается и говорит вслух то,
о чём все девяносто лет молчал
Ф.Достоевский.
Великий инквизитор.*

Итак, свершилось: 27 ноября в Ленинграде президент Путин открыл памятник писателю Даниилу Гранину, Герою социалистического труда, почетному гражданину Петербурга.

«Судьба Гранина, судьба нашего выдающегося соотечественника и современника, – сказал президент, – была неразрывно связана с Ленинградом, с Петербургом. И сам он, его личность, впитали лучшие черты его родного города. Потому что этот город, безусловно, стал для него родным». Путин, сообщает пресса, назвал Гранина подлинным русским интеллигентом, выдающимся мыслителем, честным, совестливым и порядочным человеком, которому в своих произведениях удалось отразить события почти всего XX века. «Он заслужил признание и любовь, уважение миллионов людей. При этом никогда не останавливался в своём творческом и духовном поиске. Как и многие герои его книг, он стремился к познанию, к истине», – подчеркнул президент.

Российский лидер напомнил, – читаем дальше, – что Гранин ушёл на Великую Отечественную войну добровольцем. Защищал Ленинград в самые тяжёлые дни блокады. После войны посвятил себя творчеству, напоминая людям о милосердии и человеколюбию. Завершив свою речь, Путин вместе с дочерью Гранина возложил к памятнику писателя букет алых роз.

«Лигазета» сообщает: «Инициатива сооружения монумента принадлежит Российскому военно-патриотическому обществу». Это и заставляет меня вернуться ещё раз к новому монументу, ибо тут накануне знаменательного юбилея великой Победы советского народа над немецким фашизмом важно сказать нужное слово именно о военной истории, об истории Великой Отечественной войны.

Что ж, очень прекрасно. Мы слышали: истинный русский интеллигент, мыслитель, совестливый человеколюб, стремился к истине, с ним была любовь миллионов...

Что ещё можно добавить? Только вот насчёт подлинного русского интеллигента... Не совсем подлинный. Он писал в анкетах, что украинец. И насчет добровольца... Согласно Указу Президиума Верховного Совета от 22 июня 1941 года, Гранин по возрасту подлежал мобилизации в первые дни войны. Не совсем правильно утверждение и тех, кто уверяет, что писатель начал войну рядовым, а закончил капитаном. Нет, до войны он работал секретарем комитета комсомола знаменитого Кировского (Путиловского) завода, т.е. был крупным комсомольским работником, и в армии он сразу получил звание капитана. В этом звании ещё в октябре 1944 года он и демобилизовался.

Да, ныне в такой знаменательный час нельзя не вспомнить некоторые странные суждения мыслителя-фронтовика о войнах вообще и о Великой Отечественной в том числе.

Однажды, например, мыслитель заявил: «Правда о войне всегда меняется». Это как понимать? Допустим, за два века что изменилось в правде о войне 1812 года? Конечно, что-то могло быть уточнено, дополнено, но ведь не об этом же речь. Я знаю только две попытки изменить давно известную правду об этой войне и внедрить новую. Первую совершил известный «меч Божий» Солженицын. В своём несправедливо забытом «Архипелаге» он уверял: «Из-за полесских лесов и ильменских болот Наполеон не нашёл Москвы» (Париж, 1973. УМСА-PRESS.Т.1, с.387). Так что, выходит, никакого Бородинского сражения, никакого пожара Москвы, никакой Березины и гибели великой армии двенадцати языков не было и быть не могло. Уперся Наполеон в болота и повернул обратно, в любимый Париж. Ну, это кардинально... Выходит, и Пушкин фантазировал:

*Напрасно ждал Наполеон,
Последней славой упоенный,
Москвы коленапреклоненной.
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою...*

И Лермонтов неизвестно зачем тормозил какого-то старца:

*Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?*

Всё это выдумки, твердит нам тот, кто сочинил полубессмертный «Архипелаг». Действительно, сей неожиданный пассаж о болотах даёт основание задуматься, кто же автор: взрослый человек с высшим образованием не мог не знать то, что знает у нас любой школьник.

Второй факт новой правды об этой войне соорудил сам Гранин, утверждая, что армия Наполеона была армией жутко совестливых, стыдливых, честных людей. И в знаменитом романе «Война и мир» именно такими они и показаны. «Французы для Толстого, – уверял ещё не бронзовый Даниил Александрович, – были не только оккупантами, но и людьми, которые страдали, мучились. Толстой относился к французам как к несчастным людям, втянутым в кровопролитие». Со страниц «Завтра» я тогда попросил будущий памятник назвать в романе образ хоть одного французского оккупанта, который страдал бы и мучился, грабя и убивая русских людей, а Толстой жалел его.

В другой раз мыслитель поведал: «Каждая война рано или поздно становится грязной». Каждая!.. Ну, во-первых, бывали войны, которые не рано или поздно, а с самого начала, даже с замысла были грязными. Таковы нашествие Наполеона и Гитлера на нашу родину, нападение Японии на Китай в 1931 году, трёхлетняя агрессия США против Кореи, начатая в 1950 году, с 1959 года длившаяся 15 лет война против Вьетнама и другие кровавые бесчинства США против стран аж на другой стороне земного шара, в которых им абсолютно нечего было делать, – против Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии...

А когда же стала грязной Великая Отечественная война, спасающая мир от рабства – не с того ли момента, как Гранин за полгода до её окончания демобилизовался? Или всё-таки успел участвовать в Грязной войне? Очень странно, однако кумир миллионов не понимал, что все освободительные войны, отпор и изгнание любого захватчика – это благороднейшее дело.

Мы слышали от искателя истины ещё и такое: «У нас история войны обросла враньём». Это кто же постарался? Кто эти лжецы? Шолохов в романе «Они сражались за родину», в рассказе «Судьба человека» и в статье «Наука ненависти»? Алексей Толстой в «Рассказах Ивана Сударева и в «Русском характере»? Тихонов в поэме «Киров с нами»? Фадеев в «Молодой гвардии»? Леонов в пьесах «Нашествие» и «Взятие Великошумска»? Эренбург в пламенной и почти ежедневной в пору войны публицистике? Твардовский в «Василии Тёркине»? Светлов хотя бы в стихотворении «Итальянец»? Антокольский в поэме «Сын»? Соболев в «Морской душе»? Корнейчук в пьесе «Фронт»? Симонов в повести «Дни и ночи», в двухтомнике военных дневников и в таких стихах, как эти:

*Опять мы отходим, товарищ.
Опять проиграли мы бой.
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной...*

Или Некрасов «В окопах Сталинграда»? Бондарев в повестях «Горячий снег» и «Батальоны просят огня»? Сергей Смирнов в «Брестской крепости»? Константин Воробьев в «Убиты под Москвой» и «Это мы, Господи!», Гудзенко, Павел Шубин или Юрий Белаш в стихах? Вершигора в «Людах с чистой совестью»? Полевой в «Повести о настоящем человеке»? Или Ковпак в воспоминаниях «От Путивля до Карпат»? Или Медведев в «Сильные духом»? Или врал Шостакович в Седьмой симфонии, Калатозов в фильме «Летят журавли», Чухрай в «Балладе о солдате»? Или неправду показали художники Корин и Дейнеко, Пластов и Кривоногов?

Некоторые из перечисленных имён и произведений были упомянуты в написанной вместе с А.Адамовичем «Блокадной книге» с почтением и уважением, как честные, правдивые свидетельства о войне. Так это же в Советское время. А теперь это стало для него враньём!

Охотники извратить и оболгать историю Великой Отечественной, действительно есть и всегда были, но в Советское время им не давали хода, а теперь за такую клевету дают ордена, премии, даже ставят памятники. Помнится, в «Литературной газете» была примечательная статья о «круглом столе» в Ленинграде, посвящённом

окончанию Второй мировой войны. В нём приняли участие историки, писатели, деятели культуры, в том числе и Гранин.

Думаю, что на Западе не решились бы лгать о войне, если бы не российские клеветники-первопроходцы, прежде всего Хрущев, а потом Волкогонов, Радзинский, Сванидзе, Млечин, Б. Соколов, Солонин и другие. После них на Западе рассудили просто: уж если русские (а кто там русский?) сами такое вытворяют со своей победой, то почему же нам не воспользоваться, не побегать вслед?

Прав президент Ассоциации музыкальных театров страны Юрий Александров, сказавший на том «круглом столе»: «Формально Вторая мировая война закончилась, а фактически нет. Если раньше убивали тело, то теперь - душу». И писатель Евгений Водолазкин где-то у кого-то усмотрел «враньё и фальшь» о войне, но что именно и кого он имел в виду, понять из текста статьи нельзя – в ней нет имен и фактов. Но вспоминается такой факт из праведной жизни самого Водолазкина. 8 мая 2009 года он писал в «Новой газете», что во время блокады Ленинграда А.А.Жданову, главному руководителю обороны города, спецрейсами доставляли самолётами ананасы. И сказано эта чушь с такой уверенностью, словно те ананасы росли на персональном огороде самого Водолазкина, он сам и самолёт вел.

Сильно удивило и выступление директора Института русской литературы Академии Наук Всеволода Багно. Он уверял, что «не в столь давние времена чиновники с партбилетами диктовали, скажем, Ольге Берггольц, что на войну надо смотреть, отдавая предпочтение победным мотивам». От таких «мотивов» у Багно с души воротит, он, видите ли, считает, что надо «отдавать предпочтение» «мотивам» неудач, поражений. Да известно ли ему, кто и где подписал акт о безоговорочной капитуляции? В обстоятельном повествовании о войне, конечно, должен быть «мотив» наших неудач и просчётов, но в полный голос надо говорить прежде всего о нашей великой победе. А Ольге Берггольц никто ничего не диктовал. Вот строки, которыми она встретила войну:

Мы предчувствовали полыханье

Этого трагического дня.

Он пришёл. Вот жизнь моя, дыханье –

Родина! Возьми их у меня...

Это могли продиктовать ей только русские небеса.

А кто мог продиктовать это:

125 блокадных грамм

С огнем и кровью пополам...

Попробуйте диктовать такому поэту, такой женщине. Я-то знал её... Ольга Федоровна была голосом блокадного Ленинграда. Она умерла срок пять лет тому назад, и уж вот кто действительно достоин памятника.

Так почему же Гранин, сокрушаясь о чьём-то вранье про войну, никого не назвал хотя бы во время этого «круглого стола», почему не защитил хотя бы Ольгу Берггольц как почётный гражданин Санкт-Петербурга – ленинградку.

За этим «круглым столом» писатель рассказал, что недавно встретился с бывшим канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом, его ровесником, в годы войны – солдатом вермахта, участвовавшим в блокаде Ленинграда. Он считает его человеком мудрым и симпатизирующим нашей стране. И спросил мудреца: «Почему вы проиграли войну, хотя могли выиграть? Почему победили мы?» Вы подумайте, ему страшно хотелось допытаться, почему же фашисты не разгромили Красную Армию, в которой он служил, и не поработили его родину. И что же ответил бывший солдат вермахта? Он сказал: «Вы победили потому, что в войну вступила Америка». И что Гранин? Промолчал. Не посмел сказать: а где она была, могучая Америка, в 41-м, когда мы, отступая, обливались кровью; в 42-м, когда мы погнали немцев; в 43-м, когда мы гнали и гнали их; где она была до лета 44-го года, когда мы уже освободили почти всю нашу землю и готовились вступить в Неметчину? Где?

Президент Путин сказал, что Гранин защищал Ленинград, что он почётный гражданин Петербурга. Да, это высокое звание он получил, когда губернатором была Валентина Матвиенко. Но странные вещи говорил иногда защитник Ленинграда и его почётный гражданин именно о любимом городе в пору войны.

Гранин однажды был приглашен в Германию, и вот что он сказал там в бундестаге: «Когда на Ладожском озере лёд окреп, по нему проложили «Дорогу жизни» и началась эвакуация». Началась?... Да неужели Жданов, командующие Ленинградским фронтом Ворошилов, потом генера-

лы Жуков, Говоров и другие руководящие товарищи не догадывались, что ведь можно эвакуировать и по воде? Существовала же Ладожская военная флотилия, в августе 1941 года в ней насчитывалось 66 кораблей и катеров, даже имелась одна подводная лодка. Да ещё, надо полагать, были на озере и гражданские суда. А авиация? И помянутые товарищи не соображали, что всё это можно использовать, ждали ледовой дороги? Ведь она, как известно, была открыта лишь 22 ноября 41 года. Вот только тогда и началась эвакуация? Господи, даже в таком деле - враньё!.. Эвакуация началась за два с лишним месяца до блокады – 29 июня 1941 года, на пятый день после того, как был создан Совет по эвакуации при правительстве (А.Волынец. А.Жданов. ЖЗЛ. 2013. Стр. 333).

И дальше у Гранина: «Пока не растаял лёд на Ладожском озере, удалось эвакуировать 376 тысяч человек». Откуда эта цифра? А куда флотилия делась? Чем занималась? Почетный гражданин обязан был знать, что эвакуация проводилась и зимой, и летом, и по воде, и по льду, и по воздуху. Всего было эвакуировано около 1 миллиона 700 тысяч человек, в том числе немало самолётами (ВОВ. Энциклопедия. М. 1985. С. 401).

Гранин вешал лапшу на большие уши немецким парламентариям и тогда, когда рассказывали им и об одной операции Ленинградского и Волховского фронтов: «Синявинская операция длилась до конца октября. Ничего не получилось с прорывом блокады. Наши войска потеряли 130 тысяч человек». Как потеряли? Ведь потери бывают разные: убитыми, ранеными, умершими от болезней. Он не желал уточнять и сказал так, словно 130 тысяч - это бесспорные потери убитыми. Но, во-первых, Синявинских операций было две: 1941 и 1942 года. Он говорил о первой, которая началась 10 сентября – сразу после того, как немцы 8 сентября захватили Шлиссельбург и замкнули блокаду Ленинграда с суши. Это была первая поспешная попытка её прорыва, она не удалась. Но в ней участвовали только 54-я отдельная армия, которой командовал маршал Кулик, и Невская оперативная группа, они прорывались навстречу друг другу. И войск с обеих сторон было у нас в целом 71 270 солдат и офицеров. А у этого фронтовика-мыслителя одних только убитых почти в два раза больше. Но безвозврат-

ные потери в этой тяжелой операции составили 22211 человек (Г.Ф.Кривошеев и др. Книга потерь. М. 2009. С.178). Он эту цифру преувеличил почти в шесть раз. Словом, дорогой гость из России рассказывал немцам о вещах, о которых не имел никакого представления.

Впрочем, любой человек может ошибаться, но Гранин всё время, долгие годы круто ошибался только в одну сторону – против Красной Армии, против своего народа. Это даёт основание говорить, что мы имеем дело не только с ошибками и плохим знанием предмета, а с обдуманым, сознательным искажением правды.

«Восемнадцатая армия фон Лееба,- просвещал немцев Гранин,- отбивала все попытки прорвать оборону». Как это? В обороне был город и Ленинградский фронт. А генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб блокировал Ленинград и не армией командовал, как можно подумать, а группой армий «Север», в которую помимо 18-й входили ещё 16 армия и 4-я танковая группа, всего это 29 дивизий, из коих 6 танковых да ещё 1-й воздушный флот – 760 самолётов. И всё-таки эти огромные силы прорвать оборону Ленинграда не смогли. В январе 42 года Лееб был смещён.

Гранин обличал: «Наша пропаганда нравственных запретов не имела». Да, ваша гранинско-солженицынская пропаганда, маэстро, сказал я ему тогда, действительно не имеет никаких запретов.

И вот ещё пример тому. Дико читать, что немцы, зная о высокой смертности в Ленинграде, радовались и тому ещё, что «не надо будет никого кормить». Им – кормить!.. Так мог сказать только человек, имеющий совершенно нелепое представление о том, что это за война была. Это мы, освобождая от фашистов немецкие города, кормили немцев из своих походных кухонь, прежде всего - детей и стариков. У нас в роте было два повара – Годин и Роберман (имена забыл). И я видел, я видел, как в Кенигсберге, в районе Ротенштайн, где мы стояли, они кормили несчастных немецких пацанов... А кого, когда, где накормили фашисты? Они грабили и убивали. И только. Известно заявление Геринга в первые дни войны, что, да, в этом году погибнет от голода 30 миллионов русских. Весьма примечательно, что в 1991 году именно эту цифру назвал и наш доморощенный Геринг по имени Чубайс.

Если вернуться к тому, что Мыслитель говорил не об отдельных операциях, а о войне в целом, то опять вспоминаются его пророчества: «По всем данным, войну с Германией мы должны были проиграть!»... «Все преимущества были на стороне немцев, мы потеряли полстраны...»... «Я помню чувство отчаяния, с которым мы жили, те тяжёлые вопросы самим себе – почему так произошло, ведь с Гитлером мы недавно братались?» Хватит? Во-первых, никакого братания с Гитлером, с немцами не было, были деловые отношения: мы – вам, вы – нам. Неужели взрослый человек, секретарь комитета комсомола большого ленинградского завода не понимал этого, не понимал, что тут были всего лишь вынужденные политические манипуляции?

«Одолеvalo чувство несправедливости, разочарования – почему мы такие беззащитные, плохо вооружённые, с плохим командованием?..» Какое враньё! От кого он ждал справедливости – от Гитлера, что ли? В ком разочаровался – в Геббельсе?

Насчет качества оружия и военной техники в начальную пору войны были затруднения. Но вскоре мы получили такое оружие, что немцы, как ни старались, так до конца войны и не смогли перенять его. Например, такие знаменитые дары нашей науки и техники, как многоствольный ракетный миномет «Катюша», танк Т-34, самолёт Ил-2.

А командование? С большим опозданием, только в марте 1945 года, но два вышеупомянутых немецких персонажа просто восхищались нашим генералитетом, ставя его гораздо выше собственного.

А если не на генеральском уровне, то я могу назвать хорошо памятных мне офицеров своей части и тех, кому мы подчинялись: полковник Горбаренко, майор Амбрузов, капитаны Шуст и Ванеев, старшие лейтенанты Ищенко, Требух и Пименов, лейтенант Павлов, недавно умерший в Алуште, мы с ним и перезванивались и виделись не раз в Крыму; лейтенанты Михайлин, Дунюшкин, Эткитнд, Гудков, Губайдуллин, Аладушкин... И я совершенно согласен с Геббельсом и Гитлером, готов дополнить их: все названные мной - знающими своё дело умелыми офицерами.

А вот ещё одно кардинальное открытие: оказывается, на войне бывает страшно, а мы будто бы это скрывали. От кого? Гранин же бесстрашно рисует правду о войне: «настоящий страх, страх

жугчайший настиг меня... Я мчался, словно по пятам за мной гнались. Ни разу не оглянулся, смотрел только на впереди бегущих, обгоняя одного за другим...» То есть возглавил бегство. «Я что-то орал, кому-то грозил...» Ну, это уже паника. За такое паникерство могли и пристрелить, как описано, например, в стихотворении Юрия Белаша:

*- Стой, зараза! – сержант закричал,
Угрожающе клацнув затвором...*

- Стой! Кому говорю!..

Без разбора,

Трус охваченный страхом, скакал...

Хлопнул выстрел – бежавший упал.

Немцы были уже в ста шагах...

Об этом же есть прекрасное стихотворение у Юли Друниной:

*Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули –
Всегда стрелял без промаха комбат.*

*Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперёд.
Его за этих двух лишь тот осудит,
Кто никогда не шёл на пулемёт.*

*Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.*

*И сотни раз читала письма людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!*

Сурово, жестоко... А что было делать!

Критик А.Турков был в восторге от панического бегства, описанного Граниным: вот, мол, она, правда жизни-то. Конечно, были люди, которые, когда можно было не бежать, всё-таки бежали; были и обстоятельства, когда нельзя было не бежать. Но ведь, с одной стороны, были люди, и их много, которые и в самые страшные часы не бежали... С другой, попозже и немцы до самого рейхстага бежали... Вот описать бы. Но это никогда не интересовало Гранина. Нет, он хотел размусолить картину нашего, вернее, своего героя бегства: «Последнее, что я видел (на бегу), это как Подрезов стоял во весь рост в окопе, стрелял и

матерился. Выжить он не мог. Да он и не хотел выжить, это я знаю точно, ему обрыдла такая война, бегство...». Вот ведь картина! Будто вся война именно такой и была - сплошное бегство.

Но вопреки всей нашей изначальной безнадежности, объявленной с большим опозданием Граниным, а ещё в 1941 году и военным министром США Генри Стимсоном, дававшим нам на сопротивление два месяца, Советский Союз однако же победил. Как это случилось? Ведь однажды писатель уверял: «Я видел, что ленинградцы шли на фронт с косами». Да где было в 1941 году взять косы в Ленинграде хотя бы на один батальон? Этому гранинскому памятнику и дать бы в бронзовые руки бронзовую косу.

За тем «круглым столом» Гранин так объяснил нашу победу: «И когда мы(!) поняли, что проигрываем войну (это когда же именно – в 42-м? в 43-м? – авт.), ... тогда к нам пришло остережение...». Примечательно, что именно так говорит о войне другой Мыслитель - Михаил Жванецкий: Он не так давно сказал с телеэкрана, что до 1943 года мы и не воевали, но когда, наконец, стало известно, что немцы истребляют ещё и евреев, – вот тогда и пошли в бой...

А в 1941 году, уверяют оба Мыслителя, желание дать отпор, бить врага было нам неведомо. А что же делали, как вели себя защитники Брестской крепости, Одессы, Севастополя... Как погибли Зоя Космодемьянская, Виктор Талалихин, Николай Гастелло?

На фронте за ценой стояли. Да ещё как! Вот хотя бы телеграмма командующего Западным фронтом генерала армии Жукова командующему 20-й армией генерал-лейтенанту Власову во время нашего контрнаступления под Москвой в декабре 1941 года: «...Не разрушив огневые точки врага, вы бросили на ПТО танки и пехоту. Вы не жалеете людей, не жалеете танки. Приказываю разрушить артиллерией укрепления противника. Запрещаю легкомысленные броски танков и пехоты на укрепленные полосы противника» («Правда», 16 декабря 2011г.). И ведь таких документов немало!

А Гранин не только ни разу не упомянул добрым словом Сталина или Жукова, Рокоссовского или Василевского, но ещё и решительно отрицал роль армии: не она, а народ победил! Оторвать ар-

мию от народа и даже противопоставить их – по силам только уж очень большому мыслителю.

Какую чушь еще можно придумать? Представьте, Мыслитель придумал: «У нас скрывали поражения», – сказал он Гельмуту Шмидту. Да как возможно скрыть, если вермахт дошёл до Москвы, а потом до Волги? В наших сводках не писали, конечно, так, например: «Под Минском войска Западного фронта потерпели поражение и оставили город»... «Под Смоленском советские войска были на голову разбиты и бежали» и т.д. Судя по всему, Гранин именно такие сводки ждал и считал бы их честными. Иной раз в сводках, естественно, случались ошибки, порой что-то умалчивалось из военных сообщений, но о захвате немцами Минска и Кишинева, Вильнюса и Сталино, Киева и Севастополя – всех 727-ми захваченных ими городов, в сводках, разумеется, не скрывалось.

И ведь это ещё не вся его персональная гранинская правдуха о войне. Он уверял, что нашим солдатам в окопы и землянки присылали для утехи молодых женщин. Вот и нам, бормотал старец, прислали как-то одну на двоих... Это кто же прислал – командующий армией, фронтом, нарком обороны? Много довелось мне читать мерзкой клеветы о Красной Армии, о войне, но такое встретил впервые.

Не обошёл неутомимый труженик правды и проблему наших пленных. Уверял, что они «пережили голод, нечеловеческие условия» только потому, что не были защищены Женевской конвенцией». Такое заявление опять свидетельствовало бы о полном непонимании, что такое была та война, но в «Блокадной книге» Гранина и Адамовича были приведены многочисленные документы, свидетельствующие о планах фашистского руководства как можно больше истребить наш народ. Приведу лишь одну цитату оттуда: «7 сентября 1941 года в секретной директиве Верховного командования говорилось: «Фюрер решил, что капитуляция Ленинграда и Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником». И авторы тут же поясняли: «Москва и Ленинград обрекались на полное уничтожение вместе с жителями. С этого должно было начаться то, что Гитлер имел в виду: «Разгромить русских как народ». То есть истребить, уничтожить как биологическое, географиче-

ское и историческое понятие» (с.22). И плевали они на все конвенции!

Значит, почётный гражданин, знал, что если немцы не посчитались с двумя межгосударственными договорами с нашей страной, исключавшими возможность любого противостояния, то никакой роли на пути их истребительных планов не могла сыграть никакая Женевская конвенция. Да, знал, а теперь уверял, что все дело – в этой конвенции. Ведь немцы, мол, такие законники. То есть он опять не заблуждался, а опять лгал сознательно, целенаправленно. Но пусть объяснил бы, почему из плена в Советском Союзе, не подписавшего конвенцию, вернулись на родину 85% немцев, а наших пленных вернулось из Германии, подписавшей конвенцию – меньше половины (цит.соч.376).

И вот что он говорил о другой стороне этого вопроса: «Одно из тяжких и постыдных последствий войны – отношение к пленным. Плен у нас карался как преступление... Бывших пленных подвергали репрессиям. Они пребывали отверженными, бесправными». Как всегда – ни фактов, ни имен. «Бесправные»! Назвал бы хоть одного, лишённого пусть бы даже водительских прав. А я могу назвать много людей, в том числе – писателей, которым плен не помешал и жить в столице, и учиться или работать там, где хотели, и печататься, и получать премии, ордена, и в партию вступить.

В Литературном институте – как тогда говорили, «идеологическом» – сразу после войны со мной учились и работали издедавшие плен Н.Войткевич, Б.Бедный, Ю.Пиляр, преподаватели русской литературы А.Н.Власенко, Н.Трифонов... Коля Войткевич был до того «отверженным», что все пять лет оставался старостой нашего курса. И Юра Пиляр не избежал «репрессий» в виде издания нескольких повестей и романов.

Назову имена еще более известные: писателей Степана Злобина и Ярослава Смелякова. Оба занимали важные должности в Московском отделении Союза писателей, первый был председателем секции прозы, второй – поэзии; оба получили высокие литературные премии – Сталинскую и Гос-

ударственную, у обоих выходило много книг. А всего в справочнике «Отчизны верные сыны» (М.2000) значится более двадцати писателей, которые были в плену.

А факты притеснения, конечно, были, ибо перестраховщиков и долдонов не сеют, не жнут, они сами рождаются. Поэтому ЦК и СНК приняли постановление, чтобы утихомирить их. В нём говорилось: «Осудить практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или в окружении противника» («Правда», 19 мая 2005).

С крайним изумлением прочитал я у Гранина и эти строки: «Только спустя двадцать лет после войны в 1965 году отметили солдат медалью в честь Победы». А к тому времени, дескать, немало фронтовиков уже и умерли. Уж и не знаю, что это было: опять старческий сбой памяти или злонамеренное враньё? Медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» была учреждена Указом Верховного Совета СССР сразу после окончания войны – 9 мая 1945 года. Её получили около 15 миллионов человек. Очень многие – ещё до мобилизации и вернулись домой уже с этой наградой.

P.S.

Лет тридцать-сорок после войны Гранин не писал о ней. Видимо, считал, что опыта инструктора политотдела, навыка комсомольской, как и срока пребывания на фронте, – маловато, чтобы писать. И Гранин молчал о «своей» войне.

Но настали иные времена. Фронтовиков, которые могли бы сказать: «Полно врать-то!» осталось мало, и они уже так состарились, что многим было не до этого. И тут Гранин развернулся... Он принялся писать о войне статьи, книги, давал интервью, принимал участие в создании военных фильмов, стал охотно рассуждать о войнах вообще и о художественных произведениях, в той или иной мере посвящённых войнам. И каково всё это, мы видим...

Владимир Бушин